ПОРА В КОСМОС

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Для всех нас Вселенная – это неисчерпаемый источник тайн и чудес. Звёздный мир всегда увлекал людей своей загадочной природой. Прошло немало времени с тех пор, как человек приступил к изучению неба, открытию планет и полётам в космос.

За звёздным небом сегодня наблюдают не только учёные-астрофизики, но и писатели всего мира. Ведь «космические» литературные творения уносят читателя в незабываемый мир фантастических приключений, одновременно приближая его к давней мечте человечества – познать просторы Вселенной.

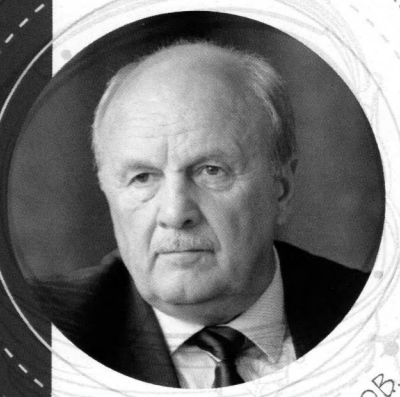
Создатели популярных мультипликационных и художественных фильмов, авторы комиксов и производители детских игрушек сегодня активно используют околокосмическую тему. Но, к сожалению, не всегда уделяя при этом должного внимания достоверности данных, из-за чего мы часто наблюдаем неполноту знаний человека о космосе.

Популяризация научных знаний, в том числе в области астрономии и космонавтики, а также развитие интереса к профессии космонавта является одной из основных задач издания, что вы держите в своих руках.

Эти произведения будут рассказывать вам об истории покорения космоса, непередаваемых вселенских ощущениях и земных надеждах. Они адресованы всем нам, тем, кто интересуется астрономией и межпланетными полётами, и будут одинаково интересны как детям, так и взрослым.

Приятного чтения, дорогие друзья!

С уважением и любовью к космосу,
лётчик-космонавт, Герой России,
Олег Артемьев



Николай Иванов

ОДНАЖДЫ Я НЕ ПОЛЕТЕЛ В КОСМОС

Ответственность за это лежит исключительно на мне. В 1985 году я стал корреспондентом журнала «Советский воин», в состав редколлегии которого входил член Военного совета Космических войск генерал-лейтенант И. Куренной. Он однажды и предложил слетать на Байконур, написать в журнале о работе наземных служб по подготовке и запуску ракет в космос.

Не стану описывать впечатления. И как во Внуково наш рейс обозначился на табло абракадаброй – якобы сбившимися буквами, и как проверяли по приземлении. И беседку космонавтов, и комнату Гагарина – об этом рассказывали многие. Затем оказался на Байконуре при первом запуске «Бурана». В гостинице накануне утреннего старта в номера стали заносить керосиновые лампы. На наше удивление горничные удивились ещё больше: так запуск же. Будет. Отключают всё, чтобы не было ни малейшего сбоя в подаче электроэнергии на площадку.

«Буран» тогда не взлетел, опорная мачта не отошла на положенное расстояние. Вместе с горечью у специалистов прорывалась и гордость: как ювелирно сработала техника при малейшем сбое!

В это время в космос слетал японский журналист, и в стране раздались призывы отправить на орбиту и советского журналиста. Среди подавших рапорта на зачисление в отряд космонавтов оказался и я.

«Начальнику Центра подготовки космонавтов от майора ИВАНОВА Николая Фёдоровича

Рапорт

Прошу рассмотреть мою кандидатуру для подготовки к космическому полёту на орбитальной станции "Мир" в качестве журналиста. Готов также выполнять любой другой объём работ, необходимый в полёте.

32 года, семь лет служил в дивизионках воздушно-десантных войск, имею около пятидесяти прыжков с парашютом из различных типов самолётов. В качестве корреспондента солдатской газеты полтора года служил в Афганистане, имею орден "За службу Родине в ВС СССР" III ст., медаль "За отвагу" и знак ЦК ВЛКСМ "Воинская доблесть". Последние четыре года возглавлял отдел очерка и публицистики журнала "Советский воин". Неоднократно бывал на Байконуре, писал о нём, освещал на страницах журнала полёт "Бурана". Ныне – сотрудник Военно-художественной студии писателей.

Генерал-полковник Г. Титов, майор Н. Иванов, генерал-лейтенант И. Куренной

Член Союза журналистов СССР, автор двух книг.

Воинское звание – майор. Член КПСС с 1975 года.

Рост 172 см. Занимался борьбой, гимнастикой.

Женат, двое детей. Живу в Москве. Родом – из села Страчево Брянской области».

Пока решались организационные вопросы по приёму документов от журналистов и о самой возможности такой миссии, меня позвали в дорогу командировки в Ташкент – началась работа над романом «Операцию "Шторм" начать раньше». Она и увлекла меня больше, чем призрачная возможность оказаться в отряде космонавтов.

Впрочем, группу журналистов для полёта на околоземную орбиту отобрали. В ней оказались два моих товарища – полковники В. Бабердин и А. Андрюшков из «Красной звезды». Они прошли полный курс подготовки, но развал Союза поставил крест на их журналистской мечте, хотя они и получили звание «космонавт-исследователь».

А мой роман вышел и переиздавался более десяти раз. Не знаю, о чём больше жалеть или чем больше гордиться...

Николай Макаров

РЯДОМ С КОСМИЧЕСКИМИ ПОЛЁТАМИ

...Шесть лет. Шесть лет, с апреля 1975 года по декабрь 1980 года, меня привлекали по линии Поисково-спасательной службы ВВС для обслуживания космических полётов. В основном запусков и спусков космонавтов. Привлекали, наряду с другими, в качестве врача-десантника. Из двадцати одного запуска за это время мне пришлось пропустить только три. В октябре 1976 года (Зудов – Рождественский: «Союз-23»); в июле 1978 года (Ковалёнок – Иванченков: «Союз-29» – «Салют-6»; Климук – Гермашевский: «Союз-30» – «Салют-6»).

В этих командировках мне приходилось встречаться и с нашим земляком (почему-то до сих пор в Туле не стоит его бронзовый бюст, как положено человеку, имеющему две Золотые Звезды Героя), космонавтом Валерием Владимировичем Поляковым, в то время также принимавшим участие как врач в поисково-спасательных работах. К сожалению, с ним мне приходилось быть в разных точках дежурств. Встречались исключительно мельком. Ни я его, ни тем более он меня не помним.

Начну эти воспоминания о странных, невероятных совпадениях.

Первое совпадение. Один и тот же человек входил в экипаж как первого (неудавшегося, завершившегося аварийным спуском полёта – об этом дальше), так и декабрьского восьмидесятого года полёта (не поднимается рука – «последнего»), в обеспечении которых мне приходилось участвовать, – бортинженер Олег... Макаров.

Второе совпадение. В том же декабре восьмидесятого командиром Ми-8, на котором я летал, был человек с инициалами... МНА. Мозговой Николай...

Алексеевич. Мало? Дежурили мы тогда на военном аэродроме Домбаровский в оренбургских степях. Экипаж «Союза-3-М» (Кизим – Макаров – Стреканов) совершил посадку 10 декабря. Нас из-за непогоды и позднего времени не выпустили на Кустанай.

Одиннадцатое декабря. Мозговой и я (естественно, со всем экипажем) отмечали... наши дни рождения, достигнув аккурат возраста Христа... Оба мы, Стрельцы, появились на свет в год Кабана, 11 декабря 1947 года.

Третье совпадение. Помните, нелепой гибелью трёх космонавтов (Добровольский – Волков – Пацаев) завершился полёт «Союза-11» в июне 1971 года? Первым, кто оказался у спускаемого аппарата и открыл крышку люка, был врач-десантник (первого или второго выпуска томского военмедфака) по фамилии... Дураков. Взявший после этого фамилию жены...

Итак. Первая моя «работа». 5 апреля 1975 года. Запуск космического корабля «Союз-18-1» с космонавтами В. Г. Лазаревым и О. Г. Макаровым. Позывной – «Урал».

Для меня всё было ново, незнакомо, жутко интересно, престижно, в конце концов. Стоять пусть и не у истоков, но почти на переднем крае того, в чём мы «были впереди планеты всей».

На борту Ан-24 мы (я и подчинённые мне прапорщик и два солдата из ПСС ВВС) летели встречным параллельным траектории запуска курсом на высоте где-то шести тысяч метров в сторону космодрома Байконур. Прапорщик и солдаты (ветераны ПСС) мирно дремали в грузовом отсеке. Парашюты и наше снаряжение лежали в сумках. Нерасчехлённые, упакованные для транспортировки. Я переходил от иллюминатора к иллюминатору, заглядывал в кабину к лётчикам, лез ко всем с разными вопросами.

Шутки-прибаутки. Штурман подтрунивает надо мной, над моей любознательностью. Экипаж занят привычной, рутинной работой. Очередной раз, подойдя к иллюминатору, удивляюсь, что земля резко накренилась влево и самолёт стал разворачиваться на противоположный курс. Ничего не понимая, думая, что всё, работа на этом окончена и мы летим на аэродром взлёта, оборачиваюсь к борттехнику с каким-то пустячным вопросом.

Он отмахнулся. Затем выругался трёхэтажным.

Вот те раз – приплыли!

В это время из кабины выходит командир – и сразу на повышенных тонах, заглушая шум двигателей:

– Вы, таку и таку мать, почему без парашютов? Быстро приготовиться к десантированию!

Вначале я подумал, что это розыгрыш, обычная подначка.

– Авария у них, – со вздохом, обычным голосом добавил он. – Наверное, придётся вам прыгать.

Да, первая работа – и сразу в пекло. Но прыгать так прыгать. Первый раз, что ли? Затем нас, врачей-десантников, и прикомандировывают к лётчикам, что с нашей квалификацией у них нет таких врачей-прыгунов.

Помогая друг другу экипироваться для десантирования, мы (ПДГ – парашютно-десантная группа – из четырёх человек: я – с медицинской сумкой неотложной помощи и ключами от крышки люка спускаемого аппарата, прапорщик – с какими-то приборами и пистолетом, солдаты – с имуществом и автоматами) не заметили, как самолёт снизился до тысячи метров. На земле уже стояла ночь, хотя на высоте и светило солнце.

Подойдя к нам, борттехник прицепил карабинчики вытяжных наших парашютов к тросу.

– На боевом! Скоро прыгать!

Загорелся жёлтый плафон. Открылся люк, из которого в тепло салона самолёта дохнуло... чем вот там дохнуло-то?

– Аккуратней при приземлении! – Борттехник нас перекрестил. – С Богом!

И... люк захлопнулся. Жёлтый плафон фонаря погас.

– Москва запретила прыгать, – пояснил командир. – Космонавты обнаружены. Вроде пока у них всё в порядке, без травм. Не хватало ещё десантуру угробить. Внизу – ночь, горы, ветер под двадцать метров.

Самое интересное, драматическое, трагическое и комичное началось с раннего утра следующего дня...

Все силы, участвовавшие в спасении космонавтов, были сосредоточены на аэродроме города Семипалатинска. Среди них – несколько ПДГ с врачами-десантниками. Самолёты Ан-12, Ан-24, вертолёты Ми-6, Ми-8. Всю ночь с космонавтами, совершившими аварийную посадку, поддерживалась устойчивая связь. Над местом, где они находились, постоянно на большой высоте кружился один из самолётов-ретрансляторов, обеспечивая связь с Москвой. На спускаемом аппарате работал радиомаяк и световой маяк, вроде большой гаишной мигалки.

На КП военных лётчиков всю ночь шла непрерывная кропотливая работа по выработке решения, как спасать космонавтов. Под утро командующий ВВС военного округа (как тогда назывался округ – не помню, то ли Среднеазиатский, то ли ещё как, не суть важно) оглашает перед всеми участниками предстоящей работы решение:

– Первой к космонавтам прыгает ПДГ с такого-то вертолёта. Как только рассветёт – готовность к взлёту. Вопросы есть?

Не надо ходить в театр. Не надо смотреть Николая Васильевича. Его финал бессмертного «Ревизора». Когда на вопрос командующего ВВС прозвучал ответ старшего лейтенанта медицинской службы Сашки Рубановского, врача нашего Тульского батальона связи, которому предстояло первому оказаться у космонавтов, совершив парашютный прыжок во главе своей ПДГ. Для этого, для подобных случаев, нас (вэдэвэшников) и привлекали в Поисково-спасательную службу (ППС ВВС).

– А наши парашюты (Д-1-8) не приспособлены для прыжков с вертолётов Ми-8!

Немая сцена (вот он – «Ревизор»). Все в шоке. Командующий ВВС, наполовину поднявшийся со стула, так и застыл в непривычной, неудобной позе. Полковники Чеканов и Леонов, старшие военные медики из штаба ВВС страны разглядывают Рубановского, готовые живьём тут же проглотить его. Тишина, мёртвая тишина стоит пять, десять, пятнадцать, двадцать секунд.

Да, отчубучил Санёк. Позор на все ВДВ. На всех врачей-десантников. Надо спасать наше высокое реноме. Поднимаюсь с места и безапелляционно заявляю (энтузиазма, наглости, бесшабашности, молодости – девать некуда):

– Старший лейтенант Макаров. Воздушно-десантные войска! Готов прыгать!!!

Поднялся невообразимый гвалт. Все с облегчением вздохнули. Рубановский смотрит на меня как на смертника.

– Доктор, бери машину, – это голос командующего ВВС округа, – перевози своё имущество с самолёта на вертолёт. Пойдёшь с ПДГ своего... коллеги. Тьфу, твою мать.

На всё про всё ушло около часа. Пока я вернулся со стоянки Ан-24, было принято совсем другое решение. Космонавтов поднять лебёдкой, зависнув одному вертолёту над ними.

ПДГ Рубановского, также зависнув, на лебёдке десантировать (есть такой способ десантирования – «с вису») с другого вертолёта неподалёку. Москва дала добро.

Все вертолёты, один за одним, поднялись в воздух. Всё начальство разместилось на «вышке». Ан-12 кружил на восьми тысячах метров. Ан-24 находился на стоянке. Моя ПДГ осталась не у дел, удобно разместившись на стульях в помещении, где совсем недавно бурлили страсти о принятии судьбоносного решения.

Так что всё дальнейшее, все этапы спасения космонавтов проходили на моих глазах. Вернее сказать, о всех этапах, о всех действиях, о всех разговорах по рации я слышал. Громкоговорящую связь никто не удосужился отключить.

Итак. Началось. Внимание! Приготовились!

Докладывает командир эскадрильи Ми-8 полковник (или подполковник?) Кондратьев, первым подлетевший к месту предстоящей работы.

– Вижу объект! Лежит на крутом склоне горы. Купол зацепился за деревья. На спускаемом аппарате сидят один, два... три исследователя (это так в открытом эфире называли космонавтов – конспирация, однако) и курят.

Вначале всё внимание и здесь, на КП, и в Москве было обращено на последнее (помните Штирлица?) слово: «Курят!» Откуда у космонавтов сигареты в космическом корабле? Может, ещё и водку пьют? Затем разом до всех дошло: «Трое?!»

Откуда? Кто? Белены вы там, тра-та-та, объелись? Запускали-то двоих! Уточнить, тра-та-та! Доложить, тра-та-та! Может, это – снежный человек? Может, китайский шпион? Граница-то рядом. Может, сбежавший зэк? Кто там ещё может третьим быть? Забыли, забыли самый народный вопрос: «Третьим будешь?»

Докладывает командир второго вертолёта:

– ПДГ десантировали лебёдкой в пятистах метрах от объекта.

Докладывает Кондратьев:

– Все вертолёты (а их было пять или шесть) летают вокруг скалы с объектом, на котором сидят три исследователя. Что делать?

Опять: откуда трое? Тра-та-та. Паника, да-да, настоящая паника в эфире, на КП аэродрома Семипалатинска, в Москве. Везде – паника.

И никто, ни на КП аэродрома Семипалатинска, ни в Москве, никто не принимает решения, как же всё-таки эвакуировать исследователей (космонавтов то есть; трёх космонавтов, сидящих на спускаемом аппарате и раскуривающих, чего они там курят, ожидающих помощи. Не май месяц и не Сочи – холодно).

Вертолёты продолжают кружить вокруг этой чёртовой скалы в ожидании команды для непосредственной работы. Которой всё нет и нет. Космонавтам-то что? Подождут! А ты попробуй прими какое-то решение! Снимать, как раньше планировалось, лебёдкой, зависнув над ними? Склон слишком крутой! Мало ли что экипажи вертолётов самые опытные во всём округе, все мастера или первого класса.

Своя-то попа ближе. И роднее. Ни Семипалатинск, ни Москва не могут решиться отдать чёткий приказ об эвакуации двух... всё-таки трёх исследователей.

Докладывает командир второго вертолёта:

– ПДГ находится от объекта в полутора-двух километрах!

Колоссальное достижение: всего тридцать-сорок минут назад они от объекта были в пятистах метрах. Прогресс налицо.

Вдруг в эфир врывается чужой голос:

– Посторонись! Не мешай работать!

С паническими нотками голос Кондратьева:

– Неизвестный вертолёт Ми-8, нарушая наши ряды, буром (!) подлетел к объекту. Завис! Снимает!!! Первый космонавт (какая, к чёрту, конспирация, когда из-под носа нахально умыкают какие-то самозванцы их спасаемых) поднят!..

– Второй поднят!!! Третий поднят!!!

Всё-таки была надежда, теплилась в головах начальников и командиров всех рангов, что сведения о третьем «космонавте» – массовая галлюцинация, ну в крайнем случае затянувшаяся первоапрельская шутка. Но если подняли, если третий космонавт уже в вертолёте... Неизвестно каком, правда, вертолёте. Неизвестно куда, правда, улетевшем. Ищи теперь их свищи.

Ребус на ребусе. Шарада на шараде. Головоломка на головоломке... Поди разберись.

В это время из Москвы прилетает Ту-134 или Як-40 (не помню) с генеральским усилением. Космонавт Леонов – был. Космонавт Шаталов – был. Береговой? (Не помню.)

Махнув рукой на доклад командующего ВВС округа, вся группа усиления (контроля-разноса) поднялась на «вышку», откуда, обматерив (как только умеют материться лётчики и космонавты) оконфузившихся горе-спасателей, также минут через десять улетела в неизвестном направлении.

«Контора Глубокого Бурения» доложила чётко, кратко, недвусмысленно.

«Третий космонавт» – лесник из Ми-4, их же лесничего вертолёта, рано поутру летевшего куда-то по своим лесничим делам. Заинтересовавшись неизвестным природным явлением, они высадили для выяснения пожароопасности одного своего коллегу. А не сообщили по одной, вернее, по двум причинам: полёт был слегка пахнущий «левацким» отклонением от курса, плюс ко всему второй месяц рация на вертолёте барахлила.

«Буром» снявший космонавтов вертолёт Ми-8 оказался из ведомства «стратегов» (Ракетных войск стратегического назначения), летел то ли на «точку», то ли с «точки», то ли по каким-то своим амурным делам. Видя нерешительность вэвээсников, решили «утереть им нос». Что и проделали виртуозно и мастерски, имея всего второй класс мастерства.

Докладывает командир второго вертолёта, про которого в этой суматохе все забыли:

– ПДГ пропала из вида. Координаты неизвестны!

Об этом, конечно, в Москву докладывать не стали, обнаружили и «спасли» в этот же день, к вечеру...

* * *

...По траектории запуска космонавтов от Байконура до Караганды существовали ППКП (передовые передвижные командные посты), в состав которых входило множество всяческих подразделений. В том числе и наши, десантные ПДГ. До предыдущей, аварийной посадки восточнее Караганды поисковиков обычно не посылали. Учитывая печальный апрельский опыт, двух врачей-десантников решают перебросить (и перебросили) самолётом

Ан-12 в Семипалатинск. Один врач остается в Семипалатинске, второй на Ми-4 перелетает дальше, восточнее, в Усть-Каменогорск. Меня назначают старшим (в армии таков порядок: если двое, то один из них обязательно старший) группы.

Высаживают нас на аэродроме Семипалатинска через грузовой люк, не глуша двигателей. Мы стоим на бетонке, пересчитывая свои вещи: личный баул – на месте; парашютная сумка с основным и запасным парашютом – на месте; вещмешок с ключами и десантной формой – на месте, медицинская укладка (более 30 кг) – на месте. Всё? Вроде всё!

Но какой-то неприятный осадок на душе остаётся. Всё на месте, а чего-то не хватает.

Ан-12 в воздухе: обратным курсом на Караганду. За нами подходит автобус, чтобы отвезти на местный КП. Загружаем свой багаж. Всё? Вроде бы всё! Да не всё. Только сейчас мы осознаём, что оставили в самолёте, в гермокабине, кислородные аппараты «Горноспасатель» для искусственного дыхания, которыми обеспечили всех врачей-десантников в Рязани (вся наша экипировка происходила на базе Рязанского парашютно-десантного полка Тульской дивизии).

Забыли! То есть – приплыли!!! Есть такая картина у Репина.

На КП находим старшего врача местного полка лётчиков. И я прошу его помочь: сгонять быстренько в областную больницу (у них наверняка такие аппараты имеются в наличии) и попросить парочку всего на сутки. Он округляет глаза, уставившись на нас как баран на новые ворота:

– Да вы что, ребята? Если бы у нас были эти «Горноспасатели», вас бы сюда и не прислали.

Ситуация! Да, ещё: моё время вылета в Усть-Каменогорск – через десять минут.

Ситуэйшен!!!

Слыша наш разговор о каких-то забытых в самолёте «Горноспасателях», к нам обращается солдат в тёплом свитере, сидящий за столом, уставленным приборами, микрофонами разными.

– Забыли чего?

– «Горноспасателей» в самолёте забыли, – пояснил им местный военный эскулап.

– Проблем нет! Сейчас вернём самолёт!

Мы на этого солдата уставились как Волька ибн Алёша на старика Хоттабыча, увидев его чудеса впервые. Солдат-диспетчер (потом выяснили) что-то переключает, щёлкает тумблер, и по громкой связи слышим разговор:

– Машка, привет! Верни-ка обратно наш Ан-12, который только что взлетел. Передай им, что в самолёте забыли горноспасателей.

Через несколько долгих, ох каких долгих секунд раздался голос этой неизвестной Машки:

– Они говорят, что всех горноспасателей только что высадили.

Солдат-диспетчер смотрит на нас в недоумении. Я ему разъясняю быстро, что «Горноспасатели» – это такая аппаратура в алюминиевых маленьких чемоданчиках. Которые стоят, вернее, которые мы забыли в гермокабине самолёта.

Он тут же передал эти сведения невидимой Марии, и через двадцать минут самолёт возвращается обратно. Борттехник буквально на ходу в грузовой люк выбрасывает наши забытые «Горноспасатели», сквозь шум работающих моторов обещая разобраться с нами по всей строгости революционной беспощадности в Караганде. По нашем возвращении.

Быстро пересев на Ми-4, улетаю в Усть-Каменогорск. Мой «подчинённый» остаётся в Семипалатинске. Старт 24 мая

1975 года «Кавказов» (П. И. Климук и В. И. Севастьянов) проходит штатно!..

На следующий день за нами прилетает вновь Ан-12, чтобы лететь в Караганду. Меня одолевают грустные, тягостные расчёты. Сколько же с меня «сдерут» (кроме, естественно, единственной шкуры) за тот расход горючки, что истратил самолёт по моей вине (старший отвечает за всё!), за его незапланированное возвращение с забытыми «Горноспасателями»? Во что это мне выльется?..

Выливается это всё для меня в ноль семьдесят пять «Трёх семёрок» для экипажа Ан-12. Недостающее чуть-чуть количество до дюжины бутылок экипаж выставляет сам...

* * *

...О двух курьёзных случаях в Караганде. В той далёкой семьдесят пятого года Караганде, во время полёта «Кавказов» и стыковки «Союз» – «Аполлон».

...Захожу в книжный магазин. Целый стеллаж заставлен страшным дефицитом. В зелёной изумрудной обложке на шести полках стоял... Сименон (!!!). Никакой давки у этих полок не было. Вообще не было никого у этих полок (!!!). Десять, ровно десять, беру книг и подхожу к кассе, на ходу доставая деньги.

Кассирша (я вначале не понял почему) ехидно так улыбается и задаёт мне вопрос:

– А вы на казахском языке умеете читать?..

...Полёт «Кавказов» растянулся более чем на два месяца, и ко мне во время отпуска на несколько дней прилетела жена. Пошли с ней в центральный универмаг, в отдел «Ковры» (каких там только ковров не было – в России мы такого изобилия ковровых изделий никогда не видели!). Народу... никого! Выбрали подходящий, под цвет обоев, три на четыре. Взвалив ковёр на плечо, подхожу с женой к кассе. Опять та же ехидная улыбка.

– А у вас карагандинская прописка имеется? Талончик на ковёр имеется?..

* * *

...Случилось это в Кустанае жарким летом. Полёт у космонавтов длительный – всё на орбите идёт нормально. Штатно. Никаких неожиданностей и неприятностей не ожидается. Тьфу-тьфу-тьфу. Готовность у нас – третья. Вторая – только на первые три суточных витка, приходящиеся на ночное время.

И мы активно отдыхаем. Доотдыхались так, что, сидя в номере гостиницы и поднимая очередной тост за удачный полёт, вдруг слышим:

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Кроме одного из нас, все были предупреждены о том, что в шкафу поставлены часы с кукушкой. Поставил их туда доктор медицинских наук Г. И. Б. (сегодня он – настоящий академик настоящей Академии медицинских наук, с которым я постоянно общаюсь до сих пор) из Института медико-биологических проблем, возглавлявший в то время Московскую БНХП (бригаду неотложной хирургической помощи).

Поднеся ёмкость со спиртным ко рту, этот несведущий наш коллега замер. Посмотрел на нас затравленным взглядом и сказал:

– Мужики, а вы ничего не слышали? Постороннего?

Все стали его уверять, что, дескать, всё нормально, всё о'кей. Не стоит волноваться и т.д. и т.п. Пятнадцать минут пролетели быстро.

Г. И. Б. произносит очередной предпоследний тост. Все готовы этот такой нужный тост поддержать...

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Все выпили, кроме одного...

– Не, мужики, вы и вправду ничего не слышали?

Проходят очередные пятнадцать минут. Новый предпоследний тост. Все поддерживают, никак не реагируя на посторонние звуки, еле сдерживая смех:

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

– Всё! Допился! Галлюцинации слуховые пошли...

...Наутро за этим же столом собрался весь личный состав вчерашней субботней вечеринки, чтобы, переложившись слегка пивком, решить проблему воскресного дня.

Только поднеся ко рту бутылку с «Жигулёвским» пивом, наш бедолага слышит, но слышит из уст Г. И. Б.:

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Нет, в обморок он не упал, но долго сидел потрясённый тем, что всё-таки у него не было галлюцинаций. Слуховых.

* * *

...Это – послеполётная история.

На сборах, на самых первых сборах, когда нас обучали всем премудростям поисково-спасательной службы, нас информировали, что в Рязани (в Рязанском парашютно-десантном полку собирались все врачи-десантники со всех дивизий, чтобы дальше разлетаться по своим точкам) наряду с другим имуществом нам будет выдаваться и медицинская укладка. Укладка, в которой обязательной сдаче после возвращения подлежит только аппаратура, инструментарий и сильнодействующие препараты (даже таблетки от кашля с кодеином не входили в этот список). А всё расходное имущество списывается медицинской службой ВВС. И этим расходным медицинским имуществом мы можем распоряжаться, как хотим (!).

Однажды, после очередной командировки, этого самого расходного имущества у меня по разным причинам не оказалось совсем. Сдавал в аптеку медпункта в Рязани чехол-сумку, тонометр, фонендоскоп, инструменты, сильнодействующие препараты, пустую флягу от спирта. Всё, что положено сдавать, то и сдал.

Надо отметить, что медицинская служба полка на этих самых сданных расходных материалах, принадлежащих ВВС и списанных заранее, что-то, естественно, имела. А здесь – здрасте, облом у них со мной вышел.

Начальник медицинской службы полка старший лейтенант Володька Зубрицкий (на год раньше меня окончивший томский военмедфакультет) начал на меня наседать, угрожая устроить весёлую жизнь.

Чуть ведь не устроил.

Через пару недель приходит депеша из Рязани начальнику медицинской службы дивизии полковнику (получил в связи с 30-летием Великой Победы) Крапивному, что старшим лейтенантом Н. А. Макаровым утеряны медикаменты и перевязочный материал. Подпись. Печать. Гербовая. Список утерянного прилагается.

Вызвав меня и вручив этот самый список, Крапивный напутствовал:

– Иди к снабженцам, они подсчитают ущерб.

Снабженцы подсчитали. Если по правилам, учитывая каждую таблетку, каждую ампулу, каждый бинт – сумма выходила в четыре моих месячных оклада, плюс звание, плюс надбавка. Если по «понятиям», т.е. учитывая только номенклатуру (название) и взяв всё по одной единице учёта, получилось всего

сорок рублей. Всё равно по тогдашним временам приличная для старшего лейтенанта сумма.

На такую сумму (сорок рублей) мне и выписали квитанцию, чтобы я у себя в полку в кассе финчасти оплатил надлежащим порядком.

Всё равно удручённый, перед тем как после обеденного перерыва идти на службу, захожу в аэропорт. В буфете у стойки вижу начальника финансовой службы полка капитана Николая Самсоновича Саратовского и двух прапорщиков.

– Доктор, иди к нам! – Протягивает мне стакан с одной четвёртой частью ноль семьдесят пять «Трёх семёрок». – Чего грустный-то?

Объясняю. Он берёт у меня квитанцию. Даёт деньги. Говорит:

– Иди, возьми ещё одну!

Иду. Приношу ещё одну ноль семьдесят пять «Три семёрки». Прапорщик разливает. А Самсоныч, начфин, рвёт мою квитанцию со штрафными санкциями и клочки выбрасывает в урну. Поражённый до глубины души, я еле мог выдавить:

– А как же?..

– Ты пей-пей! Штраф, считай, уже заплачен. И отправлен в Рязань! – Под смех прапорщиков поднимаем стаканы. – Да, кстати, зайди в финчасть. Распишись. И получи. Пришёл приказ из ВВС: как лучшего поисковика дивизии поощрить тебя пятьюдесятью рублями. С вычетом подоходного налога...

* * *

...В заключение пару небольших штришков.

25 февраля 1977 года. Посадка «Тереков» (В. В. Горбатко и Ю. Н. Глазкова), проведших в космосе 18 суток на «Союзе-24» – «Салюте-5». За окном буран, как у Пушкина в «Капитанской дочке». Первый виток – буран. Второй виток – полный штиль. Мягкое приземление в районе Целинограда. Штатная управляемая посадка. Третий виток – буран (разъяснение: управляемая посадка космических спускаемых аппаратов проводится только в первый, второй и третий суточный виток; в остальные пятнадцать витков происходит неуправляемый баллистический спуск).

Космонавт Горбатко спрашивает:

– Доктор, где я тебя раньше видел?

– В семьдесят четвёртом в Туле я у вас брал интервью...

– Помню!.. Помню!..

* * *

3 сентября 1978 года. Посадка «Ястребов» (В. Ф. Быковский и З. Йен, ГДР), проведших в космосе восемь суток на «Союзе-31» – «Салюте-6» – «Союзе-29». Т. е. взлетевших на «Союзе-31», а посадку произведших на «Союзе-29» в районе Джезказгана. Жара – далеко за тридцать.

Сразу после приземления космонавт Быковский просит:

– Ребята, закурить найдётся?

– Как же врачи ваши, московские?

Жадно затягиваясь солдатским термоядерным «Памиром», все мокрые от пота, зайдя за спускаемый аппарат, они с наслаждением смакуют первые клубы дыма.

– Обойдутся! Их бы – туда!..

УДК 8.82.8
ББК 9.94.3
Т 66

Книга издана при финансовой поддержке АНО «Социальный центр «Александръ».

Фото – космонавт-испытатель, Герой России Олег Германович Артемьев.
Рисунки – народный художник Никас Сафронов.
Составители: рабочий секретарь Союза писателей России А. С. Труба, рабочий секретарь Союза писателей России В.Н. Попов.

Т 66 **Пора в космос:** сборник / сост. А.С. Труба, В.Н. Попов. – Рязань: Издательство ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2022. – 288 с.

В книге «Пора в космос» представлены произведения членов Союза писателей различных литературных жанров поэзии, прозы, публицистики, объединённые одной общей темой: космонавтикой и всем, что связано с покорением космического пространства. Целью создания данного издания является романтизация профессии космонавтов, настоящих героев на все времена.

Издание иллюстрировано профессиональными замечательными фотографиями, сделанными космонавтом-испытателем, Героем России Олегом Германовичем Артемьевым.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-907568-41-9

© Труба А. С., Попов В., 2022
© Ермохина Е. В., дизайн и вёрстка, 2022